

Снова о частичной уступке патента, или Патентные копи царя Соломона

В.И. Еременко, В.Н. Евдокимова
(Москва)

Бывает, что усердие превозмогает и рассудок.

Козьма Прутков

После некоторого затишья возобновилась дискуссия о частичной уступке патента. Последовательно, в двух номерах журнала «Патенты и лицензии», опубликованы статьи В.Ю. Джермакяна и Э.П. Гаврилова на заданную тему. Синхронность данной акции очевидна, да она и не скрывается редакцией журнала «Патенты и лицензии».

Честно признаться, полемизировать с указанными авторами истинное удовольствие – стиль изложения у них яркий, афористичный и в меру иронический. Поэтому постараемся отплатить нашим уважаемым оппонентам той же монетой, при этом анализируя их аргументы в хронологической последовательности.

1. Сразу оговоримся – «пинать» В.Ю. Джермакяна, как он сам выразился², мы не собираемся. Дело того не стоит. Да и в предыдущей нашей публикации этого не было. Признаем, что была жесткая полемика, вызванная, впрочем, претензиями нашего оппонента на безупречность толкования им отдельных норм части четвертой ГК РФ, допускающего, по его мнению, частичную уступку патента.

Напомним читателям один из выводов нашего оппонента ещё из его первой статьи на заданную тему: «Примет изложенную мною позицию Роспатент и будет заранее готовиться к возможным обращениям или нет, известно одному Б.П. Симонову. Но ведь и суды есть»³.

Как следует расценивать такой вывод. Полагаем, как призыв «завалить» Роспатент заявлениями о частичной уступке патента, с последующим обращением в суд в случае неудачи этой затеи. Вполне очевидно, была предпринята попытка воздействовать на непросвещенные умы, прежде всего отечественных патентовладельцев, граничащая с введением их в заблуждение. Заметьте, все это на основе довольно-таки спорного частного толкования отдельных норм ГК РФ, а не в силу прямого указания в законе.

Однако вернемся к нынешней публикации В.Ю. Джермакяна и рассмотрим в первую очередь его ответы на наши аргументы, изложенные в статье «К вопросу о частичной уступке патента»⁴.

Наш оппонент утверждает, что в его статье нет предложения применять по аналогии норму п. 1 ст. 1488 ГК РФ к частичной уступке патента. Действительно, если подходить формально, то такое предложение не выдвигалось. Однако и в нашей аргументации по поводу ссылки нашего оппонента на п. 1 ст. 1488 Кодекса речь идет только о приравнивании такой ссылки к аналогии: «...т.е., по сути, он предлагает применять по аналогии норму п. 1 ст. 1488 ГК РФ к правоотношениям по частичной уступке патента в его понимании этой проблемы»⁵.

Мы также не согласны с утверждением В.Ю. Джермакяна о том, что «частная норма п. 1 ст. 1488, предусматривающая частичное отчуждение товарных знаков в определенном объеме, не

противоречит общей норме по п. 1 ст. 1234 ГК РФ, предусматривающей отчуждение исключительного права в отношении любых результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации (в полном объеме)⁶, и принцип «*lex specialis derogat generali*» никакого отношения к рассматриваемой ситуации не имеет⁷.

Как раз в данной ситуации между общей и частной нормами существует явное противоречие, в результате чего и применяется, в изъятие из общего правила о неделимости исключительного права, специальная норма о возможности частичного отчуждения исключительного права на товарный знак. Для большей ясности целесообразно привести полный текст упомянутых выше норм: «По договору об отчуждении исключительного права одна сторона (правообладатель) передает или обязуется передать принадлежащее ей исключительное право на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации в полном объеме другой стороне (приобретателю)» (п. 1 ст. 1234); «По договору об отчуждении исключительного права на товарный знак одна сторона (правообладатель) передает или обязуется передать в полном объеме принадлежащее ей исключительное право на соответствующий товарный знак в отношении всех товаров или в отношении части товаров, для индивидуализации которых он зарегистрирован, другой стороне – приобретателю исключительного права» (п. 1 ст. 1488).

Занятая нашим оппонентом позиция о непротиворечии между нормами п. 1 ст. 1234 и п. 1 ст. 1488 ГК РФ в принципе приводит к ошибочному выводу о том, что ГК РФ исходит из неделимости исключительного права на товарный знак, который иногда встречается в юридической литературе. Так, например, О.М.

Козырь и О.Ю. Шиловост обосновывают такой вывод тем, что по договору об отчуждении исключительное право на товарный знак подлежит передаче «в полном объеме»⁸. Следует указать, что в данной ситуации словосочетание «в полном объеме» означает, что исключительное право на товарный знак передается приобретателю в объеме всех правомочий, которые имел сам правообладатель, но при этом в отношении либо всех товаров, либо части товаров, для индивидуализации которых он зарегистрирован. Однако если исключительное право на товарный знак передается в полном объеме в отношении только части товаров, то это следует расценивать как частичную уступку или делимость исключительного права на товарный знак, что представляет собой исключение из общего правила о неделимости исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации согласно п. 1 ст. 1234 ГК РФ.

В качестве ошибки нам вменяется недооценка значимости разновидностей групп изобретений в одной патентной формуле и эволюции, которую прошла концепция единства изобретения, допускающая объединение в одной заявке (патенте) нескольких изобретений, вплоть до группы изобретений, именуемой как группа на варианты⁹. Однако в своей статье мы не давали никаких оценок относительно целесообразности введения в российское патентное право института частичной уступки патента в понимании этого института нашим оппонентом. Не было у нас такой задачи, это предмет отдельного исследования. Наша цель заключалась в доказательстве того непреложного факта, что в настоящее время нет никаких правовых оснований для частичной уступки патента. Этого вывода мы придерживаемся и сейчас.

И наконец, внесем ясность относительно отсутствия прямого запрета в нормативных правовых актах Евразийской патентной организации на осуществление частичной уступки евразийских патентов. Наш оппонент не только констатирует факт отсутствия такого прямого запрета, но и предполагает (именно так было указано в нашей предыдущей статье) возможность частичной уступки евразийского патента как одной из форм обременения патента правами третьих лиц, ссылаясь при этом на п. 3(2) Порядка передачи права на евразийскую заявку или евразийский патент. При этом в предыдущей статье нашего оппонента отсутствовали какие-либо предположения относительно того, «что изложенное позволит специалистам из ЕАПВ хотя бы задуматься над поставленным вопросом, изучить его глубже, возможно вынести на рассмотрение административного совета», как это утверждается в его нынешней статье «Ещё раз о частичной уступке патента»¹⁰.

И что же остается в сухом остатке. По сути, кроме упомянутых выше неудачных попыток опровергнуть очевидные вещи, повторение ранее использованных доводов в пользу возможности в настоящее время, без соответствующего изменения законодательства, осуществлять частичную уступку патента. В частности, снова приводится знаменитый пример с извлечением двух независимых пунктов формулы изобретения по патенту РФ № 2320194 («композиция жевательной резинки» – «композиция кондитерских изделий»), с изложением достаточно надуманной ситуации, когда фирма А упорно не желает входить в лицензионные отношения с патентообладателем.

Указанный прием в полемике называется уходом в «дурную» бесконечность (*stupid infinity*), когда дискуссия ведет не к достижению истины, а к количественному (но не качественному)

увеличению однотипных аргументов. Подтверждение данному выводу можно найти в словах нашего оппонента: «Можно привести не одну тысячу российских и евразийских патентов с формулой на группу изобретений, в которой некоторые изобретения из группы могут использоваться независимо одно от другого»¹¹. И мы уверены, наш оппонент справится с этой нелегкой задачей.

Но что это доказывает. Возможность уже сейчас, без внесения изменений в законодательство, осуществлять частичную уступку патента. Отнюдь нет. Данные примеры можно приводить в качестве аргументов в пользу целесообразности введения института частичной уступки, но не наличия данного института в российском праве в настоящее время.

Если что и есть нового в статье В.Ю. Джермакяна, так это именно новые аргументы в указанном выше направлении, некоторые из которых мы сейчас рассмотрим.

Так, например, наш оппонент справедливо отмечает, «что никто не может воспрепятствовать патентообладателю трех отдельных патентов, полученным по трем самостоятельным заявкам, передать (уступить) каждый патент на соответствующее изобретение различным лицам. Так почему патентообладатель не может достичь этого же (передать те же три изобретения трем различным лицам), осуществляя частичную (раздельную) уступку патента, если он подал одну заявку на группу изобретений и получил один патент вместо трех, адекватных ему по объему исключительных прав?»¹². Правда, наш оппонент при этом не объясняет, почему затраты на предполагаемые послабления для патентообладателя, который до этого оптимизировал (т.е. существенно уменьшил) свои расходы на патентование, должна нести публичная власть.

Далее. Новым в аргументации В.Ю. Джермакяна являются примеры государств, в которых осуществляется частичная уступка патента. По словам нашего оппонента, в Австралии¹³ это происходит на основании прецедента, созданного в 1859 г. судом Великобритании, а в Азербайджанской Республике, – на основании ст. 17 Закона Азербайджанской Республики «О патенте». При этом наш оппонент не сомневается, что указанный прецедент будет применяться, если возникнет подобная ситуация, во многих странах с англо-саксонским правом.

Даже если предположить, что подобные примеры со временем будут умножены нашим добросовестным и скрупулезным в научных исследованиях оппонентом, это ничего не меняет по существу и вовсе не доказывает, что в Российской Федерации, без изменения законодательства, на основе частного толкования отдельных норм Гражданского кодекса, в Роспатенте должна регистрироваться частичная уступка патента. Единственное, на что работают указанные выше примеры из практики зарубежных государств, – это предполагаемая целесообразность введения в будущем института частичной уступки патента в российское патентное право.

Однако наша задача (и прежде, и сейчас) намного скромнее – доказать невозможность частичной уступки патента в условиях ныне действующего гражданского законодательства РФ.

2. Второй наш оппонент – Э.П. Гаврилов примерил на себя роль посредника в возникшем споре, вспомнив при этом легенду о библейском царе Соломоне, которая, кстати, и подсказала название нашей статьи.

Скажем прямо, роль посредника не удалась, поскольку Э.П. Гаврилов – заинтересованное лицо в этом споре и задолго до

указанного спора, в статье «Патентные договоры: правовое регулирование» (Патенты и лицензии. 2003. № 10), по словам нашего первого оппонента, «уже излагал концепцию возможности частичной уступки патента»¹⁴. Да и сам Э.П. Гаврилов не скрывает того факта, что он участвует, наряду с В.Н. Евдокимовой и О.А. Городовым (но почему-то при этом не указывает, вопреки всем канонам научной этики, источники и названия их публикаций), в этом споре.

При этом В.Ю. Джермакян справедливо отмечает досадное упущение в концепции Э.П. Гаврилова, заключающееся в том, «что возможность частичной уступки патента распространена как на независимые пункты патентной формулы, так и на зависимые». Продолжая свою мысль, В.Ю. Джермакян сделал верное заключение по этому поводу: «Зависимые пункты не могут быть частично уступлены без независимого пункта, которому они подчинены, так как их зависимость как раз и подтверждает невозможность самостоятельного использования без независимого пункта».

Со своей стороны также отметим досадное упущение Э.П. Гаврилова в его нынешней статье при определении им роли независимых и зависимых пунктов формулы изобретения: «Поскольку объем прав, возникающих на запатентованное изобретение, по общему правилу, определяется формулой изобретения (п. 2 ст. 1354 ГК), следует считать, что и зависимый пункт формулы изобретения не только конкретизирует объем этих прав, но и определяет сферу действия исключительного права. Поэтому при определении сферы действия исключительного права на изобретение независимые и зависимые пункты формулы изобретения играют одинаковую роль»¹⁵.

Во-первых, из п. 2 ст. 1354 ГК РФ вовсе не вытекает сделанный нашим оппонентом вывод о равнозначности независимых и зависимых пунктов формулы изобретения.

Во-вторых, указанный выше вывод опровергается содержанием п. 3 ст. 1358 ГК РФ, согласно которому изобретение или полезная модель признаются использованными в продукте или способе, если продукт содержит, а в способе использован каждый признак изобретения или полезной модели, приведенный в независимом пункте содержащейся в патенте формулы изобретения или полезной модели, либо признак, эквивалентный ему и ставший известным в качестве такового в данной области техники до совершения в отношении соответствующего продукта или способа действий, предусмотренных п. 2 настоящей статьи. В п. 2 данной статьи закреплён перечень способов использования изобретения, полезной модели или промышленного образца, который одновременно, в случае нарушения патента (т.е. при определении сферы действия исключительного права), играет роль перечня противоправных нарушающих патент действий.

Как следует из вышеизложенного, ни о каком равенстве независимых и зависимых пунктов формулы не может быть речи при определении сферы действия исключительного права на изобретение.

Прежде чем перейти к основной теме, заявленной в статье, наш оппонент рассматривает ряд общетеоретических проблем гражданского права, в связи с чем представляется целесообразным высказать свое отношение к некоторым из них.

Характеризуя перечень объектов гражданских прав, закреплённый в ст. 128 ГК РФ, наш оппонент утверждает, «...что при этом применяется термин «относится», что предполагает

открытый характер последующего перечня»¹⁶. Мы присоединяемся к единодушному мнению большинства и со своей стороны отмечаем, что термин «относятся» никогда не толковался таким образом, чтобы свидетельствовать об открытом перечне; для этих целей применяются, как правило, вводные слова «в частности», «в том числе».

Кроме того, мы полагаем, что в нынешней редакции ст. 128 ГК РФ в качестве объектов гражданских прав, помимо других объектов, законодателем ошибочно упомянуты только охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, без указания исключительных прав на такие результаты и средства, как это было в прежней редакции этой статьи. Вполне логично, что более грамотным решением было бы указание исключительных прав, наряду с результатами интеллектуальной деятельности и средствами индивидуализации, в перечне объектов гражданских прав, с изъятием из оборота результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации.

Следует особое внимание обратить на то обстоятельство, что в новой редакции ст. 128 ГК РФ результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации отождествляются с интеллектуальной собственностью, что является концептуальной ошибкой законодателя, поскольку интеллектуальная собственность, как это следует из международного договора Российской Федерации (ст. 2(viii) Конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности 1967 г.), - это права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

Как известно, ст. 129 ГК РФ дополнена п. 4, согласно которому результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации не могут отчуждаться или иным способом переходить от одного лица к другому. Однако права на такие результаты и средства, а также материальные носители, в которых выражены соответствующие результаты и средства, могут отчуждаться или иными способами переходить от одного лица к другому в случаях и в порядке, которые установлены ГК РФ. Указанное выше дополнение неразрывно связано с измененной ст. 128 ГК РФ, в которой в качестве объектов гражданских прав, помимо других объектов, упомянуты только охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, что в определенной степени компенсирует допущенные законодателем недостатки в содержании последней.

В связи с вышеизложенным представляются необоснованными выводы Э.П. Гаврилова относительно перечисленных в ст. 128 ГК РФ четырех категорий гражданских прав: «...к первой категории таких объектов отнесены не только «вещи» (материальные объекты), но и «иное имущество», к которому отнесены и «имущественные права». Нет никаких сомнений в том, что в состав упомянутых «имущественных прав» входят и исключительные права, а также, очевидно, и иные имущественные права, охраняемые в соответствии с частью четвертой ГК РФ, разумеется, за исключением личных неимущественных прав»¹⁷.

Ведь отождествление нашим оппонентом исключительных прав с разновидностью «иного имущества» в рамках ст. 128 ГК РФ не согласуется с его выводом, сделанным чуть ранее на этой же

странице, что «...права на интеллектуальную собственность (или, по крайней мере, некоторые из них) являются объектами гражданского права, что вытекает из п. 4 ст. 129 ГК. В противном случае законодатель не имел бы права включать в п. 4 ст. 129 ГК норму, касающуюся оборотоспособности прав на интеллектуальную собственность».

Представляется, нашему оппоненту следовало бы остановиться все же на одном варианте: либо поддержать решение законодателя относительно п. 4 ст. 129, как дополняющего перечень гражданских прав по ст. 128, либо отстаивать свою идею о включении исключительного права в категорию имущественных прав как «иного имущества» согласно ст.128 ГК РФ.

Наш оппонент считает не совсем точным употребляемое обеими спорящими сторонами словосочетание «уступка патента», ссылаясь при этом на ст. 1354 ГК РФ, согласно которой патент на изобретение представляет собой документ, удостоверяющий приоритет изобретения, авторство и исключительное право на изобретение¹⁸.

Обычно в науке патентного права термин «патент» несет две смысловые нагрузки: патент (патентная грамота) как документ и патент как исключительное право на изобретение. В последнем случае словосочетание «уступка патента» применяется для сокращения изложения.

А вот на что следовало бы обратить внимание в данном случае, так это на неоправданную замену термина «уступка», устоявшегося в законодательстве, правоприменительной практике и юридической литературе, на термин «отчуждение», которым всегда обозначалась цель уступки исключительного права. Так, в Гражданском кодексе РФ широко используется термин «уступка

права», например, в ст. 355 «Уступка права по договору залога». Такие примеры можно продолжить: ст. 250, 336, 993 ГК РФ.

Напротив, термин «отчуждение» используется в сфере вещного права, например, по поводу отчуждения имущества, которое в силу закона не может принадлежать данному лицу (ст. 238), отчуждение недвижимого имущества в связи с изъятием земельного участка (ст. 239). Подобные примеры можно продолжить: ст. 252, 272, 282, 285, 293 ГК РФ.

Рассматривая принципиальную возможность делимости объектов гражданских прав, Э.П. Гаврилов пишет, что «исключительные права по действующему российскому законодательству, по видимому, также сконструированы как единые и неделимые (п. 1 ст. 1233, п. 1 ст. 1234). При этом очевидно, что право использования, входящее в состав исключительного права (п. 1 ст. 1229), не является правом использования, предоставляемым по договору о распоряжении исключительным правом (п. 1 ст. 1233, п. 1 ст. 1235 ГК)»¹⁹.

Если с первым предложением упомянутой выше цитаты можно согласиться, с оговоркой, конечно, относительно возможности частичного отчуждения исключительного права на товарный знак согласно п. 1 ст. 1488 ГК РФ, то второе предложение вызывает возражение ввиду отсутствия какой-либо аргументации в её поддержку. Полагаем, что в данном случае некорректно говорить о различных правах использования, поскольку именно в п. 1 ст. 1229, со ссылкой на ст. 1233, речь идет о том, что правообладатель может распоряжаться исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности и средство индивидуализации.

Наш оппонент большое внимание уделил вопросу о возможности делимости различных результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации.

Наиболее весомые аргументы он привел, основываясь на ст. 1258, 1259 и 1260 ГК РФ, в пользу делимости авторских произведений. Следует признать, что указанная точка зрения не находит всеобщей поддержки в юридической литературе. Так, например, в этом же номере журнала «Патенты и лицензии» опубликована статья О.Ф. Оноприенко, в которой она не соглашается, ссылаясь на работу конца XIX века Г.Ф. Шершеневича, с мнением Э.П. Гаврилова, разделяющего объекты авторского права на делимые и неделимые²⁰.

Менее успешны поиски делимости в сфере патентного права, хотя наш оппонент и обратился, не найдя опоры в ГК РФ, к подзаконному акту – Административному регламенту исполнения Федеральной службой по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам государственной функции по организации приема заявок на изобретение и их рассмотрения, экспертизы и выдачи в установленном порядке патентов Российской Федерации на изобретение (далее – Регламент). На наш взгляд, были выбраны не те положения (п. 10.8.1.4. «Независимый пункт формулы» и п. 10.8.1.5. «Зависимый пункт формулы»), которые могли бы хоть в какой –то степени иллюстрировать делимость изобретения²¹. Для этой цели более подходит п.10.8.1.2. «Многозвенная формула изобретения». Согласно абз. третьему указанного пункта многозвенная формула, характеризующая группу изобретений, имеет несколько независимых пунктов, каждый из которых характеризует одно из изобретений группы. При этом каждое изобретение группы может быть

охарактеризовано с привлечением зависимых пунктов, подчиненных соответствующему независимому.

Однако ни п. 1 ст. 1375 ГК РФ, согласно которому заявка на изобретение должна относиться к одному изобретению или к группе изобретений, связанных между собой настолько, что они образуют единый изобретательский замысел, ни упомянутый выше п. 10.8.1.2. Регламента сами по себе не дают основания сделать вывод о возможности частичной уступки патента.

Полагаем, что ключевые выводы нашего оппонента на заданную тему содержатся в следующей выдержке из его статьи: «Если результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации делимы, и если стороны договора желают заключить договор лишь в отношении одной части этого объекта, то такое намерение должно уважаться. Оно является законным, легитимным, поскольку соответствует принципам свободы договора, установленным ст. 421 ГК РФ. Поэтому такой договор подлежит государственной регистрации, даже в случае, если правила, установленные Правительством РФ (п. 2 ст. 1232 ГК) прямо не предусматривают возможности регистрации таких договоров»²².

Мы считаем указанные выводы нашего оппонента необоснованными и неподлежащими применению на практике по следующим причинам. Несмотря на то обстоятельство, что право на уступку патента является субъективным гражданским правом и в связи с этим подпадает под действие ст. 421 ГК РФ о свободе договора, процедура уступки этого права осуществляется в рамках процессуальных норм в связи с регистрацией соответствующих договоров в Роспатенте либо регистрацией передачи этого права в Евразийском патентном ведомстве (далее – ЕАПВ). Следовательно,

указанные регистрационные процедуры происходят в сфере административного, т.е. публичного права, в рамках которого действует следующая правовая аксиома: разрешено только то, что указано в законе. Таким образом, возможность частичной уступки патента появится только в случае принятия специальных норм соответственно в главе 72 («Патентное право») части четвертой ГК РФ и в нормативных правовых актах Евразийской патентной организации (далее – ЕАПО) на основании решения Административного совета ЕАПО. Примером такой нормы для Российской Федерации является п. 1 ст. 1488 ГК РФ, предусматривающий частичное отчуждение исключительного права на товарный знак и на основании которого Роспатент регистрирует соответствующие договоры.

3. Подводя итоги полемики, можно сделать вывод о том, что наши оппоненты не привели весомых доказательств возможности в настоящее время частичной уступки патента. Большинство их аргументов фактически направлено на доказательство целесообразности введения в России и ЕАПО института частичной уступки патента. Вполне очевидно, что возможность и целесообразность – это разные философские категории. Очевидно также и то, что в условиях отсутствия соответствующих правовых норм невозможно только на основании довольно-таки спорного толкования даже таких авторитетных специалистов, как наши оппоненты, требовать у Роспатента и ЕАПВ регистрации частичной уступки патента.

Остается пожелать нашим оппонентам успехов в их непосильном труде по дальнейшей пропаганде опыта Австралии и Азербайджана и сожалеть о том, что им не удалось, в отличие от разработчиков проекта изменений Закона РФ о товарных знаках в

2002 г., добиться того же результата (введения института частичной уступки) при внесении изменений в Патентный закон РФ в 2003 г. Однако остается надежда, что со временем рынок все же созреет до этого чудного нововведения.

Предпочитая оставаться в правовом поле, мы подтверждаем свою прежнюю позицию, заключающуюся в простой истине: в настоящее время, без соответствующего изменения законодательства, не существует правовых оснований для частичной уступки патента в той форме, в какой её предлагают наши оппоненты.

А пока что частичная уступка патента возможна лишь в иной форме, о которой мы указывали в нашей прежней публикации: в форме договора об уступке патента, в результате которой изменяется состав сообладателей патента²³. При этом дополнительно разъясняем, что, кроме вариантов частичной уступки патента в отношении сообладателей патента (уступка одним из сообладателей принадлежащей ему части прав на патент; уступка сообладателем патента принадлежащей ему части прав сообладателю (сообладателям) патента; уступка каждым из сообладателей части прав на патент третьему лицу (лицам), вывод о возможности частичной уступки патента в указанной форме распространяется и на отдельных патентообладателей, которые согласно ст. 421 ГК РФ о свободе договора правомочны расширять состав патентообладателей путем уступки другим лицам части своих прав. В связи с этим читателей не должен смущать тот факт, что при этом патентообладатель как бы уступает патент самому себе, учитывая то обстоятельство, что по договору уступки исключительное право может быть передано только в полном объеме. Однако здесь нет никакого противоречия, поскольку

условие о передаче исключительного права в полном объеме относится только к объему правовой охраны, предоставляемой патентом, а не к составу патентообладателей. В противном случае была бы допущена логическая неувязка, при которой то, что позволено нескольким сообладателям патента, было бы запрещено одному патентообладателю. Следует добавить, что указанная форма уступки патента имеет место как в Роспатенте, так и в ЕАПВ.

А в заключение нашей статьи хотелось бы также обратиться к библейским сюжетам и поведать читателям легенду о кольце царя Соломона, не претендуя, конечно, на авторство.

Жизнь царя Соломона не была спокойной. И обратился однажды царь Соломон за советом к придворному мудрецу с просьбой: «Помоги мне – очень многое в этой жизни способно вывести меня из себя. Я очень подвержен страстям, и это мне мешает». На что придворный мудрец ответил: «Я знаю, как помочь тебе. Надень это кольцо – на нем высечена фраза: «Это пройдет». Когда нахлынет сильный гнев или сильная радость, посмотри на эту надпись, и она тебя отрезвит. В этом ты найдешь спасение от страстей». Царь Соломон последовал совету придворного мудреца и обрел спокойствие. Но настал момент, когда, взглянув, как обычно, на кольцо, он не успокоился, а наоборот – ещё больше вышел из себя. Он сорвал кольцо с пальца и хотел зашвырнуть его подальше в пруд. Но вдруг заметил, что и на внутренней стороне кольца имеется какая-то надпись. Он присмотрелся и прочитал: «И это тоже пройдет».

Хочется надеяться, что и у наших оппонентов тоже пройдет эта навязчивая идея о возможности частичной уступки патента, как

российского, так и евразийского, без соответствующего изменения законодательства.

Еременко Владимир Иванович, доктор юридических наук;

Евдокимова Валентина Николаевна, кандидат юридических наук.

² Джермакян В.Ю. Указ. соч. С. 20.

³ Джермакян В.Ю. Возможна ли частичная уступка патента? // Патенты и лицензии. 2008. № 8. С. 32.

⁴ Изобретательство. 2009. № 4. С. 1–4

⁵ Полагаем, что наш оппонент лукаво опустил слова «в полном объеме» с тем, чтобы избежать явного несоответствия своего вывода о якобы отсутствии противоречия между двумя комментируемыми нормами.

⁶ Там же. С. 3.

⁷ Джермакян В.Ю. Ещё раз о частичной уступке патента // Патенты и лицензии. 2010. № 2. С. 15.

⁸ Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации / Под ред. А.Л.Маковского; вступ. ст. В.Ф. Яковлева; Иссл. центр частн. права. М.: Статут, 2008. С. 664–665.

⁹ Джермакян В.Ю. Указ. соч. С. 17–18.

¹⁰ Джермакян В.Ю. Указ. соч. С. 18–19.

¹¹ Там же. С. 18.

¹² Джермакян В.Ю. Указ.соч. С. 14.

¹³ В отличие от нашего оппонента, мы не относим Австралию к государствам с развитым правопорядком в сфере патентного права. Общеизвестно, что таковыми являются государства, входящие в три центра патентования: США, Япония и Европейская патентная организация.

¹⁴ Джермакян В.Ю. Указ. соч. С. 18.

¹⁵ Гаврилов Э.П. Объекты интеллектуальных прав и их делимость // Патенты и лицензии. 2010. № 3. С. 27.

¹⁶ Гаврилов Э.П. Указ. соч. С. 20.

¹⁷ Гаврилов Э.П. Указ. соч. С. 22.

¹⁸ Там же. С. 23.

¹⁹ Гаврилов Э.П. Указ. соч. С. 23.

²⁰ Оноприенко О.Ф. Интеллектуальные права на селекционные достижения в России // Патенты и лицензии. 2010. № 3. С. 15.

²¹ Гаврилов Э.П. Указ. соч. С. 27.

²² Там же. С. 26.

²³ Еременко В.И., Евдокимова В.Н. К вопросу о частичной уступке патента // Изобретательство. 2009. № 4. С. 4.